

УДК 821.133.1-1/-3Мериме

МОТИВ ДВОЙНИЧЕСТВА В НОВЕЛЛЕ ПРОСПЕРА МЕРИМЕ «ЛОКИС»

Валентина Мусий, д-р филол. наук, проф.,

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

urd7@ukr.net

В статье, на основе определения архетипической (мифопоэтической), физиологической, психологической и психиатрической основ мотива двойничества, а также изучения его функций и способов реализации на уровнях символики имен, системы персонажей, выраженных в произведении точек зрения на загадочное, сюжетных мотивов, и композиции в новелле французского писателя-романика Проспера Мериме «Локис», определяется место мотива двойничества в создании автором художественной картины действительности как трагической и непредсказуемой. Основное внимание уделяется интересу писателя к бессознательному, месту оппозиции «свое — чужое» в его раскрытии. Категория «чужое» рассмотрена в аспектах как «инонационального», так и внутреннего — того, что разрушает единство человека с окружающими и внутреннюю гармонию.

Ключевые слова: двойничество, мотив, психологизм, мифопоэтическое, новелла, романтизм, П. Мериме.

«Локис» (1869) — одна из последних новелл, написанных Проспером Мериме. Она известна и под другими названиями: «Рукопись профессора Виттенбаха», «Медведь. Литовская повесть» (так она была озаглавлена переводчиком и опубликована в Киеве в 1885 году). В ней писатель обращается к проблеме проявления наследственности в психике: герой осознает в себе разрушительную силу. Он пытается объяснить ее природу и невольно начинает всерьез относиться к распространённым слухам о тайне своего рождения: его мать через два-три дня после замужества отправилась с мужем на охоту и была похищена медведем. Все завершается трагически: наутро после свадьбы жену героя находят растерзанной, а сам он исчезает.

Цель статьи — определить концепцию таинственного в произведении на основе изучения места в нем мотива двойничества, ключевую роль в котором играет оппозиция «свое — чужое».

Степень изученности вопроса. Научных работ, непосредственно посвященных как мотиву двойничества в новелле П. Мериме «Локис», так и самому этому произведению, в отечественном литературоведении мы не встречали. Хотя, безусловно, весьма ценные идеи относительно художественного своеобразия этого произведения содержат-

ся в исследованиях более общего характера, речь в которых идет о французском романтизме или же творчестве Проспера Мериме. Так, к примеру, Е. М. Мелетинским выделена группа персонажей новелл П. Мериме, которые «дики, импульсивны, близки к природе в ее оппозиции культуре и часто вступают с миром культуры в сложные конфликтные отношения, обычно гибельные для обеих сторон» [5, с. 205], а герой «Локиса» обозначен им как «человек-зверь», который «взаимодействует со светским обществом» [5, с. 206]. Вл. А. Луков, напротив, объясняет трагедию Михаила Шемета влиянием на него идеалистической, романтической и романической литературы: «романтический бред», материализуясь, обретает форму преступления [4]. Ценные замечания относительно выраженной в «Локисе» концепции фантастического высказаны И. В. Карташовой. С одной стороны, как замечает исследовательница, «новеллистика Мериме испытала большое воздействие прозы XVIII в., и это сказалось в манере суховатого, динамичного, часто ироничного повествования...». При этом исследовательница ссылается на высказывание И. С. Тургенева о том, что Мериме «дорожил правдой и стремился к ней» [2, с. 232]. И в то же время этому писателю, замечает исследовательница, был присущ серьезный интерес к таинственному: «не только человеческие страсти, но и сфера загадочного, иррационального, непознанного» [2, с. 232]. Сочетание рационального объяснения с признанием реальности проявления сверхъестественного в новеллах П. Мериме делает особо интересным решение заявленной нами в названии статьи проблемы двойничества в качестве ключевой. Большинство ученых-гуманитариев относят двойничество к наиболее сложным с точки зрения и его онтологии, и аксиологии феноменам, нуждающимся в исследовании. В художественном произведении это может быть незнакомец, необъяснимым образом подобный герою, его тень, статуя, портрет и т. д.

Изложение материала. Невозможность представить однозначное толкование таинственного в новелле «Локис» обусловлена, в первую очередь, противоречивостью позиции самого писателя. На завершающем этапе работы над произведением, 16 ноября 1868 года, в письме к Женни Дакен он шуточно замечает: «Остается довольно сомнительным, чтобы медведь в своих покушениях мог дойти до того, что из-за них подпортилась знатная генеалогия» [6, т. VI, с. 221]. И одновременно, в одном из писем к И. С. Тургеневу называет медведя «двоюродным братцем» героя [6, т. VI, с. 223]. Усиливая фанта-

стичность толкования событий в новелле, Мериме в ее названии и открывающем «записи» профессора Виттенбаха эпиграфе «задает» «звериную» тему как ключевую. Толкуя сконструированную им самим «литовскую пословицу», он в письме И. С. Тургеневу от 10 февраля 1869 года замечает: «...эпиграфом я беру жмудскую пословицу: «Мишка и Локис — два сапога пара». Михаилом зовут джентльмена, с чьей матерью случилось известное Вам происшествие» [6, т. VI, с. 231]. «Мишка, — пишет он И. С. Тургеневу 3 декабря 1868 года, — насколько я знаю, — прозвище медведя». Таким образом, герой (имя которого выбрано в соответствии со славянским прозвищем зверя) и медведь (локис) отождествляются, что является аргументом в пользу мифопоэтического комментария новеллы.

Он, как нам представляется, задан и ее построением, проявлением симметрии в новелле. В этом плане показательна первая встреча профессора и графа Шемета. Находящемуся под впечатлением рассказов доктора Фребера о медведях профессору чудится, «будто какое-то очень тяжелое животное пытается взобраться на дерево». И в самом деле, выглянув в окно, «в нескольких шагах от окна, в листе дерева» он видит «человеческое лицо, ярко освещенное» светом его лампы. «Явление это продолжалось, — вспоминает профессор, — один момент, но необыкновенный блеск глаз, с которыми встретился мой взгляд, поразил меня несказанно» [6, т. II, с. 437]. Позже не один раз будет подчеркиваться необычность взгляда молодого графа Шемета. «В его взгляде было что-то странное...», — вспоминает профессор [6, т. II, с. 438]. Наблюдая за тем, как тот смотрел на кокетничающую с адъютантами пани Юлиану, он замечает, как «глаза его загорались мрачным огнем, в котором действительно было что-то наводящее страх» [6, т. II, с. 456]. Как самое первое, так и самое последнее впечатление, произведенное графом Шеметом на профессора, связано с деревьями и садом. Приглашенный на свадьбу Виттенбах около трех часов ночи становится свидетелем бегства героя. Он вспоминает: «...какое-то темное тело больших размеров пролетело мимо моего окна и с глухим шумом упало в сад» [6, т. II, с. 467]. Итак, это могли быть и человек, и крупное животное.

Симметрия проявляется и в эпизоде появления в замке в день их свадьбы новобрачных. Когда Юлиана собиралась выйти из экипажа, чем-то напуганные лошади встали на дыбы и «несчастье» было «неотвратимо». Но, схватив пани Юлиану на руки, «граф взбежал с ней на

крыльцо так легко, как будто он нес голубку» [6, т. II, с. 465]. В начале произведения сообщалось о семейной легенде: во время охоты медведь схватил графиню и унес ее в лес. И хотя в одном случае (похищение матери героя) речь идет об опасности для молодой женщины, исходившей со стороны того, кто нес ее на руках, а во второй (граф выносит жену из экипажа) — о ее спасении, сходство эпизодов очевидно. Оно подтверждается и поведением внезапно появившейся матери графа, которая «пронзительно» кричит: «Медведь! Хватайте ружье!.. Он тащит женщину! Убейте его! Стреляйте! Стреляйте!» [6, т. II, с. 465]. Все это укрепляет читателя в представлении о звере как о втором «я» героя.

Возможность мифопоэтического толкования мотива двойничества (в графе одновременно живут и зверь, и человек) в произведении усиливается сообщениями о странности поведения животных по отношению к нему. Доктор Фребер рассказывает о чудесном спасении графа из лап огромной медведицы, сам же граф предлагает профессору Виттенбаху объяснить неожиданный страх перед ним собаки. Правда, для самого доктора Фребера история чудесного избавления графа — лишь доказательство хладнокровия молодого человека, того, что он «не в мамашу». А профессор видит в поведении собаки лишь то, что она чувствует отсутствие в человеке естественного чувства симпатии. Ключевую роль в мифопоэтическом толковании новеллы играет эпизод в лесу, встреча с колдуньей. В ответ на просьбу Виттенбаха рассказать о поверье в то, что в лесу есть «уголок», в котором «звери будто бы живут дружной семьей, не зная людской власти», та рекомендует ему самому туда отправиться и занять место царя зверей. На это граф, смеясь, замечает, что перед ней ученый, бард («вайделот»). И тут старуха говорит графу, внимательно посмотрев на него: «Ошиблась, это тебе надо идти туда. Тебя выберут царем, не его. Ты большой, здоровый, у тебя есть когти и зубы...» [6, т. II, с. 448]. Ее слова можно оценить как резкий ответ. Но, возможно, и в самом деле, граф Шемет годится на то, чтобы быть избранным царем лесных зверей. Потом же, когда он прямо намекает на то, что она ведьма (говорит, что ей легко перебираться через топь на болоте «верхом на помеле»), старуха отвечает графу, что ему не следует ездить в Довгеллы к «белой голубке» [6, т. II, с. 449], вновь повторяя, что видит в нем опасного и сильного зверя. Хотя можно согласиться и с тем, что старуха знала, кто перед ней, и куда он часто ездит. Такое объяснение принадлежит

самому Михайлу Шемету: «Мошенница не раз видела меня по дороге к замку Довгеллы...» [6, т. II, с. 449].

Не мене значимо и то, что произошло в самом замке. За обедом, рассказывая о своих путешествиях, профессор упомянул о том, что однажды вынужден был утолить голод и жажду кровью своей лошади, вскрыв ей жилу. На это один из присутствующих, генерал, «заметил, что калмыки в подобных крайностях поступают так же» [6, т. II, с. 454]. То ли под впечатлением этого разговора, то ли по иной причине, но ночью граф, который за обедом заинтересовался, «в каком месте следует делать надрез лошади, чтобы выпить ее крови», во сне шепчет: «Свежа!.. Бела!.. Профессор сам не знает, что говорит... Лошадь никуда не годится... Вот лакомый кусочек!.. Тут он принялся грызть подушку, на которой лежала его голова, и в то же время так громко зарычал, что сам проснулся» [6, т. II, с. 458]. Итак, разговор о крови активизировал зверя, который был вторым «я» героя.

Не случаен и выбор животного на роль двойника героя. П. Мериме, знавшему славянскую мифологию, была известна мифосемантика медведя как тотемного предка, заключение брака с которым положительным образом влияло на благополучие племени. Х. Ф. Сурта указывает на популярность сюжета о медведе, укравшем женщину, ссылаясь на сербскую сказку «Медведович», записанную Вуком Караджичем в начале XIX века. Возможно, сюжет был известен и Просперу Мериме.

В то же время не меньше оснований дать психологическую мотивировку происходящего, связав загадочное с психическими нарушениями. Согласно семейной легенде, похитившее графиню животное быстро нашли и застрелили, но женщина утратила рассудок. Поэтому родившийся сын казался ей зверем, которого она требовала убить. Это позволяет предположить, что причина отвращения графини Шемет к сыну — в том смертельном страхе перед животным, в лапах которого она оказалась. Чувство ужаса и отвращения она перенесла на ребенка и не могла испытывать к нему естественных материнских чувств. Игнорирование психологического фактора упрощает, на наш взгляд, толкование произведения. Сам П. Мериме признавался, что в молодости «очень любил рассекать человеческое сердце, чтобы посмотреть, что там находится внутри» [3, с. 26]. Но и в зрелые годы писатель всерьез интересовался научным объяснением загадок психики. Думается, что выбор им в качестве рассказчика профессора Виттен-

баха (предполагается, что его прототипом был ученый-лингвист Август Шлейхер) обусловлен не только интересом к балтийским языкам, но и желанием противопоставить мифологизму миропонимания литовцев, опирающихся на миф о браке с тотемным животным в толковании случая на охоте, «немецко-прусский рационализм» (так обозначил позицию Виттенбаха Вл. А. Луков). Причем, о безумии есть смысл говорить и применительно к герою произведения, Михаилу Шемету. Скорее всего, его отцом был все же человек, муж графини. Но поведение обезумевшей матери активизировало болезненное внимание молодого человека к себе и, в конечном итоге, расстроило его психику. Болезненное состояние психики подкрепляется и словами старухи в лесу, и наблюдениями за поведением животных по отношению к нему. С тем, что граф не совсем здоров в психическом отношении, могут быть связаны также странные хрипы и произносимые им во сне слова о крови после услышанного им рассказа о том, что человек иногда бывает вынужден пить кровь лошади. Нельзя исключить, что и в словах графа о настоящем характере его чувств к красавице Юлиане отражается его психическое состояние. Обращает на себя внимание, что в этом высказывании героя, занимающем одиннадцать строк текста, четырежды упоминается ее «кожа», заканчивается же оно вопросом, «что течет под этой кожей» и предположением, что нечто «получше лошадиной крови» [6, т. II, с. 462]. Конечно, можно предположить, что он просто пытается подавить в себе чувство любви к играющей с ним девушке. Но не меньше оснований видеть и проявление психического заболевания. Не случайно от смеха графа в эту минуту профессору становится «как-то не по себе» [6, т. II, с. 462]. Доктор Фабер дает «грубо-материалистическое» объяснение поведения графа ночью: «Геркулес нуждается в Гебе», ему нужна «разрядка» в близости с женщиной. Однако та женщина, к которой граф проявляет интерес, лишь усиливает его страдания, после поездок к ней «он всегда возвращается с мигренью и в плохом настроении» [6, т. II, с. 432]. «Злостная кокетка! Она доведет его до того, что он потеряет рассудок, как его мать», — добавляет врач [6, т. II, с. 433]. При этом он не исключает и проявления в поведении графа наследственности, то есть сумасшествия («графиня страдает манией, а маниакальность может передаваться по наследству...» [6, т. II, с. 459]). Профессор Виттенбах больше склоняется к объяснению поведения графа проявлением в нем нервного заболевания: «он, быть может, лунатик и в этом

состоянии может оказаться небезопасным» [6, т. II, с. 459]. Сам граф осознает проявление в себе того, что его пугает. Оставшись на ночь в поместье Довгеллы, в одной комнате с профессором, он запирает в шкафу ружье и охотничий нож, а ключ просит спрятать. Потом объясняет свое поведение страхом, что, находясь в состоянии полусна и не понимая, что он делает, мог воспользоваться оружием, как это с ним уже однажды случилось [6, т. II, с. 457]. Происходящее угнетает его. Отсюда — интерес графа Шемета к проблемам бессознательного. Доктор Фребер сообщает профессору, что молодой человек «читает какие-то невероятные книги»: «немецкую метафизику» «физиологию»... [6, т. II, с. 459]. Судя по примечаниям к новелле, в это время термином «физиология» «обозначали гипноз, телепатию и другие «таинственные» явления человеческой психики» [6, т. II, с. 517]. Желая услышать точку зрения ученого на то, что его так тревожит в себе, Михаил Шемет спрашивает, как тот относится к проблеме «дуализма», или «двойственности» человеческой природы [6, т. II, с. 459]. По существу, между ними заходит разговор о соотношении сознательного и бессознательного в психике, а также о противоречивости «я», о наличии в душе «поперечивающего» голоса.

Переживаемое героем произведения можно представить в виде оппозиции «свое — чужое». Видя в ней «элементарный, бинарный вариант множественности мира, предпосылку культурного релятивизма», С. Н. Зенкин в качестве тех, что привлекали к себе «особенное внимание французской литературы XIX в.», называет категорию «инонациональное» как «чужое», которое зачастую демонизируется. «Действительно, — замечает исследователь, — культурно-бытовая инаковость естественно сочетается с инаковостью метафизической, с абсолютной трансцендентностью Чужого» [1, с. 62]. Возможно, это применимо и к «Локису» П. Мериме, поскольку граф Шемет связан в ней с инонациональным. Его миропонимание, безусловно, сформировано европейской книжной культурой, но в нем отразились и те мифопоэтические верования, которые были распространены в Литве среди простолюдинов. Граф Шемет может относиться к ним с иронией, но на бессознательном уровне воспринимает их.

Однако гораздо важнее, на наш взгляд, судить о категории «чужое» применительно к душевному состоянию героя новеллы. В «Локисе» мы встречаем вариант двойничества, когда герой обнаруживает враждебное начало в самом себе. Это то экзистенциальное субъективное,

что разрушает его личность, заставляет совершать противоречащие его сознанию и нравственной природе поступки. Двойничество, переживаемое Михаилом Шеметом, можно обозначить в виде таких оппозиций: «человеческое — звериное», «рациональное — стихийное», «сознательное — бессознательное». Причем «сознательное» в данном случае — это то, что сформировано в нем культурой и упорядочивает до некоторых пор его страсти. А бессознательное (звериное) — те страсти, которые ему в конечном итоге оказываются неподвластными. Нечто похожее представлено в тех стихотворениях Ф. И. Тютчева, где противопоставлены «день» и «ночь». В них гармоническое, дарящее ясность и покой — это всего-навсего — «золототканый покров», который до некоторых пор подавляет разрушительное действие страстей. Однако ночью бессознательное, то, что возвращает человека к «древнему», «родимому» хаосу, высвобождается из-под контроля разума, и человек оказывается погруженным в стихию хаоса. Именно о наличии в себе того, что погружает в стихию хаоса, и задумывается граф Шемет. «Не случилось ли вам, — задает он вопрос профессору Виттенбаху, — оказавшись на вершине башни или на краю пропасти, испытывать одновременно искушение броситься вниз и совершенно противоположное этому чувство страха?..» [6, т. II, с. 460]. Профессор старается убедить его в наличии альтернативы подобному разрушительному началу в человеке. Для него это разум. На что Шемет отвечает, что у человека не всегда есть возможность контролировать страсти, и он подчиняется инстинктам. «В сражении, — возражает он Виттенбаху, — я вижу, что на меня летит ядро; я отстраняюсь и этим открываю своего друга, ради которого я охотно отдал бы свою жизнь, будь у меня время для размышления...» [6, т. II, с. 461]. Итак, герой новеллы объясняет дикое, стихийное в себе рационально: высказывает идею о двойственности человеческой природы, о наличии в ней разумного и стихийного. Позже, в психоанализе, средоточие в человеке стихийных и стремящихся к немедленному удовлетворению слепых инстинктов будет обозначено как «ид». Нельзя исключить, что из-за спровоцированного внешними факторами усиления психической болезни граф Шемет все больше утрачивал способность рационально контролировать свое поведение, погружаясь в стихию бессознательных инстинктов. Что, собственно, и стало причиной трагического финала.

Выводы. Представляется, что диалог профессора Виттенбаха и графа Михаила Шемета о двойственности природы человека отража-

ет и собственные размышления Проспера Мериме о загадках психики, отношении сознательного и бессознательного. И в «Локисе» писатель попытался выразить в художественной форме свое понимание решения сложных проблем психологии поведения человека. Хотя, безусловно, исключить возможность мифопоэтического толкования случившейся трагедии, усиливающего атмосферу загадочности и вызывающего чувство страха у читателя, тоже нет оснований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зенкин С. Н. Французский романтизм и идея культуры / С. Н. Зенкин. — М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2002. — 288 с.
2. Карташова И. В. Об одной загадке творческих взаимоотношений И. С. Тургенева и П. Мериме / И. В. Карташова // Мир романтизма : материалы международной научной конференции. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 2004. — Т. 9 (33). — С. 229–235.
3. Ладария М. Г. И. С. Тургенев и классики французской литературы / М. Г. Ладария. — Сухуми : Алашара, 1970. — 156 с.
4. Луков Вл. А. Мериме. Исследование персональной модели литературного творчества : монография / Вл. А. Луков. — М. : Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2006. — 110 с.
5. Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы / Е. М. Мелетинский. — М. : Наука, 1990. — 275 с.
6. Мериме П. Собр. соч. : в 6 т. / П. Мериме. — М. : Правда, 1963.
7. Сурта Х. Ф. О «балто-славянской» новелле П. Мериме «Lokis» / Х. Ф. Сурта // Советское славяноведение. — 1990. — № 6. — С. 45–50.

МОТИВ ДВІЙНИЦТВА У НОВЕЛІ ПРОСПЕРА МЕРІМЕ «ЛОКІС»

Валентина Мусій, д-р філол. наук, проф.,

*Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
urd7@ukr.net*

У статті на основі визначення архетипової (міфопоетичної), фізіологічної, психологічної та психіатричної основ феномену двійництва, а також вивчення його функцій і засобів реалізації на рівнях символіки імен, системи персонажів, вираженої у творі системи точок зору на таємниче, сюжетних мотивів і композиції в новелі відомого французького письменника-романтика Проспера Меріме «Локіс» встановлюється зв'язок двійництва зі створеною автором художньою картиною дійсності як трагічної та непередбачуваної. Головна увага приділяється інтересу письменника до несвідомого, ролі опозиції «своє — чуже» у його розкритті. Категорію «чуже» розглянуто в аспектах як «інонаціонального», так

і внутрішнього — того, що руйнує гармонію зв'язків героя з зовнішнім світом та особистісним «я».

Ключові слова: *двійництво, мотив, психологізм, міфопоетичне, новела, романтизм, П. Меріме.*

THE DUALITY IN PROSPER MÉRIMÉE'S STORY «LOKIS»

Valentina Musiy, prof., DrSc (Philology),
professor of Department of World literature
Odessa I. I. Mechnikov National University

The article is devoted to the investigation of such phenomenon as duality: it's archetype model and it's artistic sense in story by well-known writer of Romantic epoch in France as Prosper Mürimée. The constructive function of duality in «Lokis» was studied on several levels: system of heroes, plot motives, semantic oppositions, composition etc. Among main reasons for appearing of motive of the duality in Prosper Mürimée's story are: author's interest in Slavic mythology (the hero is totem beast's son) and to the secrets of human psyche. This motive strengthens narration tension by forming of horror atmosphere too. Mainly the duality in «Lokis» was studied in the context of the categories «mythopoetic» and «unconscious». The purpose was to prove the thesis about the duality of hero's nature which consists of «white» and «black» parts.

The possibility of mythopoetic interpretation of «Lokis» is connected with the elements of the totem myth in it. They are connected with the episode of thefts of hero's mother by a bear during a hunt. Mythopoetic interpretation confirms by the analysis of the appearance of the hero (primarily his sight that scares), his behavior (in the dream hero talks about blood, screams and bites a pillow, and in the daytime he talks about the desire to understand whose blood is better-his bride or horses). He is treated as the beast by his mother who is afraid and hate him at the same time, and by the old woman in the wood, who invited him to become the King of beasts. The animals afraid him, but he never allowed himself to torment and so on. Finally, the tragic finale of the novel (a terrible death of the hero's wife and his own disappearance at night) may be connected with duality of hero's nature: he is a man and a beast at the same time.

A psychiatric, medical motivation of mysterious in «Lokis» may be given. It is connected with heredity (mother of the Hero went crazy), and love (doctor says that Juliana could drive Michael Shemet mad). A fear of the stories about the secret of his birth could do the hero crazy too.

There is also psychological explanation for the dreaded final of the novel. It involves analysis of the unconscious: mind and instinct conflicted in the hero. The author of the article concludes that the the mithopoetic and psychological have the interrelated nature in Mürimée's story (the mythological interpretation of the secrets of his birth, presence of destructive desires effect on the hero's psyche which gradually stops to submit (to be controlled) to reason). Therefore, as the main semantic oppositions in the article are examined «conscious-unconscious», «orders-natural», «wild-cultural».

Key words: *duality, motive, mythopoetic, unconscious, story, Romanticism, Prosper Mürimée.*

REFERENCES

1. Zenkin, S. N. (2002), *Francuzskij romantizm i ideja kul'tury* [French romanticism and idea of culture], Moscow, RSUH Publ [in Russian].
2. Kartashova, I. V. (2004), About one riddle of creative mutual relations of I. S. Turgenev and P. Мйрімée, *World of Romanticism. Proceedings of the XII International Conference. Mir romantizma. Materialy XII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [World of Romanticism. Proceedings of the XII International Conference]. Tver, Tver State University Publ., 2004. Vol. T. 9 (33). pp.229–235 [in Russian].
3. Ladarija, M. G. (1970), *I. S. Turgenev i klassiki francuzskoj literatury* [I. S. Turgenev and classics of French Literature], Suhumi, Alashara Publ [in Russian].
4. Lukov, V.I.A. (2006), *Merime. Issledovanie personal'noj modeli literaturnogo tvorchestva* [Мйрімée. Research of the personal model of literary work], Moscow, Moscow University for the Humanities Publ. [in Russian].
5. Meletinskij, E. M. (1990), *Istoricheskaja pojetika novelly* [The Historical Poetics of Novella], Moscow, Nauka [in Russian].
6. Merime, P. (1963), *Sobranie sochinenij* [Collected works]. (Vols. 1–6). Moscow, Pravda [in Russian].
7. Surta, H. F (1990), О «balto-slavjanskoj» novelle P. Мйрімée «Lokis» [About «balto-slavic» novella by P. Мйрімée «Lokis»], *Sovetskoe Slavianovedenie* [Soviet Slavic Philology], vol. 6, pp. 45–50 [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 28 вересня 2015 р.